

Никишенков А.А.¹

Лекция № 9. 3 декабря 1997 года.

**Начало феноменологического поворота. Прикладные исследования
в антропологии и возникновение проблемы этики научного исследования²**

Аннотация. Лекция о социальной антропологии, посвященная «феноменологическому повороту». Была прочитана для студентов пятого курса вечернего отделения в 1997 году. Лекция представляет собой полноценное исследование, с одной стороны, не полностью завершённое, требующее некоторых уточнений и дополнений. Часть материалов по «феноменологическому повороту» А.А. Никишенков опубликовал только в 2012 году в кафедральном сборнике. С другой стороны, это уникальные знания осмысленные уникальным человеком. Это не просто пересказ идей Тэрнера, Гирца, Маркуса и других ученых. В лекции содержится и анализ механики академической среды, приведшей к этому повороту, и этическая оценка этих идей и работ, и – то о чем часто забывают многие сторонники «критики ради критики» – размышления о том, что делать дальше.

Ключевые слова: А.А. Никишенков, лекция, антропология, прикладные исследования, этика научного исследования, феноменологический поворот

УДК 572+17.023.36

Abstract. Lecture on Social Anthropology, dedicated to the "phenomenological turn". It was read for the fifth-year students of the evening department in 1997. The lecture is a complete study on the one hand, not fully completed, requiring some refinements and additions. Some of the material on "phenomenological turn" A. Nikishenkov published only in 2012 in the Cathedral collection. On the other hand, is a unique knowledge comprehended by a unique person. This is not just a retelling of ideas of Turner, Geertz, Marcus and other scientists. The lecture provides an analysis of mechanics and academic environment, which led to this "turn", and ethical evaluation of these ideas and works, and - that what is often overlooked by many supporters of the "criticism for the sake of criticism," - thinking about what to do.

Key words: Alexei Nikishenkov, lecture, Anthropology, applied research, ethics of a scientific research, phenomenological turn

¹ *Никишенков Алексей Алексеевич* - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (2006—2013)

² Подготовлена к публикации Т. Б. Андреевой и А. В. Титорским

Итак, лекция №9. Эта лекция будет посвящена развитию той темы, которая была объявлена в прошлый раз. А говорил я вам о том, что позитивистские стандарты, которые были самоочевидными для многих ученых в военный период, постепенно стали подвергаться критике и игнорироваться. В прошлый раз я вам привел пример двух весьма представительных европейских ученых, это Клод Леви-Стросс и Виктор Тэрнер, которые писали в рамках сложившейся научной традиции, использовали ее понятийный аппарат, но в своей реальной научно-познавательной практике перешли к совершенно иным методам, способам интерпретации фактов и их объяснениям. Они этого не декларировали, но пришло время, когда необходимость смены парадигмы стала очевидной.

Поговорим сегодня о начале так называемого феноменологического переворота. Я его так условно называю вслед за Мери Дуглас, известным британским этнографом, которая описала этот феномен. Это переворот начался в 1960-е годы. И вызван он был многими внешними по отношению к науке причинами. Этих причин несколько, я вам сейчас вкратце их сформулирую, но не все из них раскрою, а только лишь, может быть, несколько. Одна из этих причин – это изменение отношения к месту науки в обществе, это возникновение проблемы научной этики. Я имею в виду только нашу науку с вами, может быть, не только этнографию и антропологию, но и вообще гуманитарное познание, в целом, социальное познание. Это изменение отношений повлекло за собой и другие процессы. Процесс переосмысления отношения к объектам изучения и к тем, кто изучает.

Чтоб вам было предельно понятно, я конкретно поясню. Этнография и антропология изначально изучали неевропейские народы преимущественно. После Второй мировой войны, и в особенности в 1960-е годы, эти объекты, бессловесные, в общем-то, вдруг стали отвечать. Они стали изумляться тому, как о них пишут, чего раньше не было. Когда Эдуард Тайлор писал об австралийцах или Джеймс Фрэнгер о других дикарях, они меньше всего думали, что по этому поводу сами австралийцы скажут. Австралийцы были просто объектом. Бронислав Малиновский, который изучал меланезийцев, тоже не думал, что о его книгах скажут те, о ком эти книги. Они читать не умели, у них не было письменности.

А после Второй мировой войны у всех стран третьего мира, так называемых, сформировалась уже своя интеллигенция, которая книги читала, более того, училась в антропологических департаментах в Кембридже, в Оксфорде, в Лондоне, в Вашингтоне, в Сан-Франциско и в Париже. И это не могло не заставить пересмотреть свое отношение к самой проблеме: субъект познающий и объект познаваемый. Это вызвало к жизни стремление привести это в соответствие с моралью или с этикой. Это была проблема.

Другая проблема. Само по себе познание антропологическое, так, как оно формировалось на Западе, да и у нас во многом – это познание, основанное на взаимодействии, на длительном контакте людей, или то, что называется полевой работой. Эта полевая работа обладает одним интересным свойством: материал, получаемый при интенсивной полевой работе, с одной стороны, как правило,

недостаточен. Всегда чего-то не хватает для того, чтобы выполнить предписания по строгой научности. Я имею в виду какую-нибудь схему, скажем, марксистскую или структуралистскую. Невозможно все объять, правда ведь? А, с другой стороны, этот материал обладает признаками избыточности. В процессе жизни среди людей, в процессе общения человек узнает много такого, что не укладывается в существующие научные схемы. Это избыточное, конечно, можно похерить и только в университетском клубе за чашкой чая рассказывать об этом своим коллегам, и так оно обычно и происходило. Но возник вопрос, а зачем так делать? Раз уж мы о людях пишем по-человечески, то почему же нам не раскрыть всю эту механику взаимоотношений? Может быть, в самом процессе общения есть такие вещи, которые важнее, чем стандарты строго научного знания?

Отправитесь вы в поле, имея, конечно же, какую-то тему. У нас это тема, утвержденная советом, на Западе это тема, утвержденная каким-то научным фондом. Например, крестьянское жилище. Соответственно, нас будет это жилище волновать, вы будете собирать данные по этому жилищу, все естественно, вы все дисциплинированные, вы обязаны выполнить порученную работу. В ходе этого решения интерьеров и прочих разных других важных дел, вы, конечно же, с людьми будете общаться. И когда пройдет некоторое количество лет, когда вы напишете свою книгу об интерьере, напишете диссертацию, вам страшно жалко станет, что вы никак не выразили свое знание, которое вам может показаться гораздо более важным, чем тема «Интерьер крестьянской избы». Это у каждого этнографа бывает. Возник вопрос или проблема возникла перевода этого очень богатого и трудно формулируемого опыта этнографического в текст. Проблема репрезентации, так она называется.

И, наконец, еще одна проблема, которая в 60-е годы наметилась и дальше она развивалась, это проблема интерпретации фактов, которые в поле наблюдают. Потому что интерпретация зависит от того количества факторов мировоззренческого, философского, психологического плана, что они нуждаются в том, чтобы это было все осмысленно.

Вот такие проблемы, они были порождены внутренней логикой науки, ее исторического движения, имея кумулятивный характер накопления новых проблем. А, с другой стороны, они были продиктованы влияниями извне. И сегодня я хочу представить вам одну из проблем, тех проблем, которые особенно тесно связаны с ненаучными факторами, это проблема научной этики. Проблема, которая в нашей отечественной этнографии никогда никем(!) не ставилась по вполне понятным причинам.

Этика – это не то, что приложимо к научному объективному отражению действительности. Ученый обязан отражать, а плохо это или хорошо, это не его дело. Он должен объективно отражать и вскрывать закономерности. А закономерности, как вы знаете, либо они есть, либо их нет. Они не бывают ни добрые, ни злые. Это вытекает из старинного стандарта научности, который восходит к эпохе Просвещения, к эпохе становления новоевропейского мышления. Наша страна – одна из таких стран, где эти стандарты являются самоочевидными и полностью ясными.

Но я абсолютно уверен, что даже люди, искренне верящие в эти стандарты, все-таки, в той или иной степени, в глубине души не могут не осознавать этической нагрузки своей деятельности. Потому что они не изучают не клопов и не тараканов, они изучают живых людей. И это очень важно, что один живой человек о другом живом человеке скажет. Таким образом, этическая проблема неустранима, какими бы убеждениями не прикрывался человек. Эта проблема со всей очевидностью в западной антропологии встала, и встала в 60-е годы.

Что вызвало эту проблему? В британской социальной антропологии поворот к этике был вызван кризисом – кризисом Британской колониальной империи. В американской культурной антропологии этот поворот к этике был вызван, во-первых, последствиями участия ученых в кампаниях, связанных с войной. Я вам рассказывал о Рут Бенедикт, о Маргарет Мид и о том, «каким макарон» в направлении изучения личности и культуры, *cultural personality studies*, такое направление было, таким образом, оно шло в своеобразный тупик после Второй мировой войны.

Кроме того, 60-е годы – это годы начала Вьетнамской войны. Совершенно не трогая проблему идеологии, какой режим лучше, какой хуже, для этнографа эта тема в такой постановке немыслима, она мыслима лишь для политических идеологов и для участников политического процесса. Конечно, этнограф может быть как гражданин участником, но в чисто научном плане это неважно. Важно то, что американская мощная машина обрушилась на вьетнамский народ. Эту акцию никто из мало-мальски совестливых людей не поддерживал ни в Соединенных Штатах, ни в Великобритании, ни где бы то ни было. Вы, наверное, знаете об отношении к этой проблеме хотя бы по творчеству группы «Битлз». Есть огромное количество песен антиимпериалистических, в общем-то, социалистических: власть народу и так далее. Это 60-е годы, это особое время, это время «красного мая», это время реанимации марксизма во многих западных европейских странах, время такого социализма совести, потому что индустриальное общество без такого «блока обратной связи», построенное на элементарных моральных началах неизбежно может привести к коррозии, коррозии сущности человека.

И такой момент был. Он выражался во многих проявлениях, в том числе, и в науке. Тогда-то, в 1960-е годы, особенно остро в американской антропологии стала проблема ответственности ученого перед теми, кого он изучает. Почему так вопрос встал? Потому что американская антропология, она, как и все американское, проникнута духом прагматизма. Это единственная философия собственно американского происхождения – прагматизм. Поэтому любая деятельность, так или иначе, измеряется степенью ее полезностью. И американские антропологи всегда были склонны к поиску самых разных вариантов приложения своих знаний в сфере оплачиваемой. Это понятно. И, в том числе, многие американские антропологи, начиная со времен Второй мировой войны, сотрудничали с самыми разными структурами. После войны – с Центральным разведывательным управлением. Очень приличное количество антропологов были либо штатными, либо внештатными сотрудниками Центрального

разведывательного управления. Многие из них сотрудничали в других сферах, многие прямо не сотрудничали, но представляли информацию, которая могла быть учтена во внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов Америки.

Сама по себе такая постановка и такое стремление, конечно же, не может вызывать никаких возражений. И мы, люди, живущие в обществе, не должны замыкаться в башне из слоновой кости, есть такая метафора. Но до каких пределов? И возникли многочисленные скандалы. Был сформулирован этический кодекс антропологов, который был принят Американской антропологической ассоциацией. Этой проблемой стали специально заниматься.

Вот в общих чертах эта проблема, а все-таки ее суть может быть подана только при конкретном анализе конкретных вещей. И в особенности эта проблема связана с прикладными исследованиями. О прикладной антропологии сегодня я хочу вам кое-что рассказать. Когда вообще наша наука, в мировом, конечно, масштабе, зарубежная этнология и антропология, совершила действие, направленное на формирование прикладной своей сферы, как это происходило, почему мы так решили? В целом, не только в этическом отношении.

Пионерами в этом деле, конечно же, были англичане. Я не хочу искать пионеров в буквальном смысле слова, потому что приоритетность в научном познании мне всегда сомнительна, особенно в сложных таких вещах, но это мое убеждение, и оно разделяется многими, точнее, я разделяю это убеждение, характерное для многих зарубежных и наших российских этнологов. Почему Великобритания? Да по той простой причине, что Великобритания была владычицей морей, и над Британской Империей никогда не заходило солнце. Огромное количество заморских владений, сравнительно небольшая территория метрополии, ограниченные людские ресурсы, да и материальные тоже не беспредельны. И это вызвало к жизни стремление оптимизировать политику управления заморскими территориями и колониями. Это можно было сделать по-разному. Конечно, и делалось по-разному. И антропологи стремились тоже в этом процессе участвовать.

Процесс начался давно, еще в XIX веке. Не раз раздавались голоса в специальной публицистике, и многие члены Парламента британского, одного из самых древних парламентов в мире, так вот, в парламентских слушаниях не раз раздавались голоса о необходимости изучения, научного изучения этих самых дикарей. Тогда это слово употреблялось просто. Но это все так и заканчивалось фразами, декларациями, призывами. Эдуард Тайлор, например, основоположник науки, во многих работах своих просто утверждал, что этнология изучает культуру не ради самой культуры, не самоцель, она изучает ее для того, чтобы это было так или иначе использовано в процессе совершенствования культуры социальных отношений. Для того чтобы реформаторы могли использовать научно обоснованные данные. Это он так говорил. Эмиль Дюркгейм, я вам об этом тоже говорил, вообще был ориентирован на социальную инженерию. Он сам был социалист, и поэтому позитивист, конечно же, и последователь

эпохи Просвещения, он был уверен, что только разум может учредить нормальные отношения. Это, конечно, утопия, прямо вам скажу, своеобразный миф эпохи Просвещения. Разум очень часто подводил человека.

Но, тем не менее, такая установка была. Первыми, кто эту установку попытался реализовать, были Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун и Бронислав Каспер Малиновский. Именно они впервые и само понятие ввели – прикладная антропология или практическая антропология. Постарались определить ее в общих чертах: статус и цели... Но, что самое главное, они предприняли конкретные действия в этом направлении, не столько сами, сколько руками и умами своих учеников. Сам Малиновский, сам Рэдклифф-Браун не получал жалование как прикладной антрополог. Хотя получал отчасти, Малиновский преподавал в Лондоне, в школе, которая готовила колониальных чиновников. Это каким-то образом тоже прикладная антропология, просветительская и прикладная. И Рэдклифф-Браун тоже в Южной Африке читал лекции перед представителями администрации Южноафриканского Союза и рассказывал им об обычаях и институтах южноафриканских народов. Они начали это все.

И во Франции это было, Марсель Мосс читал лекции перед чиновниками колониального департамента в своем институте этнологии, который был основан Полем Реве и Марселем Моссом в 1925 году в Париже. Но я считаю, что в строгом смысле слова назвать такие просветительские лекции прикладными нельзя, потому что это не соответствует моему пониманию прикладных задач. Прикладные исследования эти люди видели в другой плоскости, они видели в сборе специальной информации в поле, в выработке определенных жанров, которые были бы доступны политическим деятелям, работающим в колониях, и в выработке рекомендаций. Так примерно, как делают представители естественных наук. Они об этом много говорили на своих лекциях, вы прекрасно знаете, и у нас тоже об этом много говорят.

Зачем они это делали? Если Рэдклифф-Браун был истый брит, британский джентльмен, его лояльность по отношению к британской короне может казаться очевидной. А вот Бронислав Малиновский – поляк, кстати, ненатурализованный – что им двигало? И здесь есть соблазн заподозрить этого почтенного человека в том, что он хотел выслужиться, потому что британское гражданство очень трудно было получить тогда, тем более, какому-то поляку. Надеюсь, среди вас нет поляков, чтобы сильно обидеться. Я это говорю как бы с точки зрения англичанина. Английский снобизм – вещь известная.

Я не думаю, что стоит идти по этому пути. Бронислав Малиновский не был человеком, который ради подобного шкурного интереса предпринимал бы какие-то специальные усилия. Хотя нельзя и отрицать некоторую такую тенденцию, которая, так или иначе, проявлялась. Он был космополитом, но он был представителем той тенденции, которая называется сайентизм. Он был гражданином науки, он был типичный космополит.

Он абсолютно был уверен во всемогуществе знания научного. По крайней мере, в его трудах эта уверенность совершенно очевидна. И он был уверен также, вслед за деятелями Просвещения, что только

истинно научное знание может улучшить ситуацию. А ситуация в колониях для него была, в общем-то, известна. Он сам в колониях работал, и не только в Меланезии, и в Австралии бывал, правда, это доминион, тем не менее, аборигены Австралии хуже, чем колонии в те времена жили. В Африке он бывал, в Америке бывал. Он знал, что такое колониальная ситуация. И он искренне, по-человечески хотел ее улучшения. Улучшения не вообще, а улучшения для коренных жителей. То есть им двигали, в общем-то, благородные побуждения. Так же, впрочем, как Альфредом Рэдклифф-Брауном. Они в этом смысле были «людьми одного карасса». Я использую понятие Курта Воннегута, вы, я надеюсь, понимаете меня, людьми одного круга, убеждений.

И они стали действовать. Стали они действовать особенно активно во второй половине 1920-х годов. И не потому, что захотелось им в этом плане действовать, а потому что на подобного рода декларации появился спрос. Впервые к ним обратились солидные чиновники из очень ответственных колониальных департаментов с просьбой оказать содействие на условиях финансирования кафедр антропологии. И здесь я обращаю ваше внимание еще на одно обстоятельство, которое можно назвать шкурным, а можно и не называть, я вам советую второе.

Малиновский и Рэдклифф-Браун были своеобразными научными революционерами, они провозгласили совершенно новую стратегию познания, которая была более-менее благожелательно встречена, но все-таки были очень серьезные проблемы. Проблемы вульгарные: не было денег на основание кафедры, на жалование, не было возможности придать новому направлению организационный вид. То есть они получили рабочую площадку. Научные советы британских университетов – это явление в высшей степени консервативное. Они очень туго тогда шли на какие бы то ни было изменения и нововведения. Британский консерватизм – вещь известная. И даже если они не отвергали, в сущности, принципы подхода Малиновского и Рэдклифф-Брауна, о которых я вам уже говорил, они ничего не делали, чтобы способствовать организационному узакониванию этих явлений. Для этого требовались какие-то внешние усилия, усилия, связанные с правительственными деньгами. Таким образом, были одержимы своими идеями, в особенности Малиновский, Рэдклифф-Браун был в этом смысле гораздо более легкомысленный человек, он путешествовал по всему Земному шару... Я вам рассказывал о географии его путешествий, он уехал из Англии вообще, он постоянно говорил, что да, не мешало бы заниматься прикладными исследованиями. Его вина или его заслуга, как угодно, в этом деле ни в какое сравнение не идет с Малиновским, именем Малиновский.

Малиновский сумел убедить, что он сможет оказать эффективную, действенную помощь колониальному чиновнику. Тем самым он выполнял еще одну свою функцию, к которой можно по-разному относиться, функцию такого учредителя. Ведь за ним пошли молодые люди. Молодым людям после окончания нужно было идти на работу устраиваться. Внештатный преподаватель Малиновский ничего в этом смысле не мог сделать. А Малиновский-профессор, глава кафедры и член фондов, которые

финансируют полевую работу – это совсем другое. Малиновскому нужно было стать таким, чтобы его слова превратить из простых фраз в практику. Он был харизматик, он был одержим, и поэтому он использовал всё.

Таким образом, эта вещь как бы и ненаучная, но она очень важна для понимания многих научных вещей. Он обещал, писал статьи, он убеждал, что может. И эти его слова были услышаны, и услышаны были они не случайно, а в период, когда Британская колониальная империя испытывала очень серьезные трудности. Катастрофа Первой мировой войны и революции, которые она породила, вызвала брожения в странах Азии, Африки, Латинской Америки – во всем мире. Старыми методами управлять было нельзя уже по многим причинам. Потому что появились партии, появились движения, освободительные движения, и требовалась какая-то реформа – реформа колониального управления.

И тогда появилась идея косвенного управления или непрямого, как вам удобней переводить английский термин «indirect rule». В Великобритании это была целая эпоха, за которой стояли определенные парламентские круги, круги, связанные с промышленностью, как всегда это бывает, конечно же. И этим людям понадобились какие-то основания идеологического плана, необходимые для того, чтобы протолкнуть в Парламенте реформу. И они эти действия стали совершать не без помощи антропологов.

Несколько слов о принципах косвенного управления. Вы, конечно же, знаете, что это такое, в общих чертах, но я вам представляю это явление с позиции этнографии, что это такое. Косвенное управление – это вещь довольно давняя. И наибольшую привязанность к нему всегда питала именно Великобритания, по многим причинам. И сложилась эта система косвенного управления вначале в Индии, еще в XVIII веке, когда Великобритания отхватила первые солидные куски от этого субконтинента.

В Индии Великобритания застала наличие большого количества государственных форм: маленьких, средних, больших – самых разных. Вы знаете, что Индия никогда не была единым государством. Захватить их просто вооруженной силой и подчинить своим законам Великобритания физически не могла. Она была вынуждена искать компромиссы, а вы знаете, что политика – это искусство возможностей. В Индии стихийно, без всякой программы сложилось косвенное управление, когда над местными институтами власти, всякой власти, и исполнительной, и судебной, законодательной, стояла Британская Корона.

Но власть местная сохраняла полностью свои прерогативы. Набобы, султаны... кто там еще?... раджи, махараджи. Они оставались на своих местах, династии воспроизводились, детишки махарадж учились в британских школах и университетах, процесс, как говорится, пошел. После получения британского образования они возвращались на троны своих родителей. Эта система стихийно вырабатывала формы соотношения империи или метрополии и местных интересов. В таком виде она там существовала.

В других странах, где была возможна прямая экспансия, прямой захват, англичане, ничтоже сумняшеся, все это делали. Большое количество есть колоний, где англичане правили рукой губернаторов и без всяких тонкостей. Но после Первой мировой войны эти колонии как бы перестали подчиняться, потому что у них накопились силы, в них накопились то, что называл Стейнбек, гроздя гнева. Колониализм при всяком к нему отношении имеет массу нехороших вещей, мягко говоря. По крайней мере, так его воспринимают те, над кем осуществляется колониальное управление.

И тут-то вспомнили об этой самой модели. Ее проталкивал Фредерик Лугард, очень известный колониальный деятель, который родился в Индии, его родители были служащими вице-короля Индии. Учился он в Индии. И с младых ногтей воспринял такую плюралистическую систему, когда самые разнородные институты находились в одной системе. И он в Британском колониальном ведомстве был инициатором введения косвенного управления во всей Британской Империи. Пришел, правда, он к этому не сразу. В молодости он служил в колониальных войсках, в самых разных. И всегда он, так или иначе, в своей деятельности в той или иной мере, если это было возможно, стремился действовать по индийской модели.

Он был участником захвата Уганды. Не нынешнего государства Уганды, а колония Уганда была гораздо больше, чем нынешнее государство, это большая территория в районе Великих африканских озер. Сделал это бескровно, навязав королю Буганды, кабака, император его еще называли, договор о сотрудничестве, о дружбе... В общем, «о содружестве независимых государств», с условием протектората Англии, который подавался как гарантии Англии от нападения третьей стороны. Кабака такой договор подписал. Это открыло ворота многим британским службам. Фасад сохранялся старинный, и кабака был правителем, он оставался правителем. Более того, он даже был под охраной особых подразделений колониальной полиции. И угандийцы сами не заметили, как они оказались колонией, так бывает, и так бывало в Англии всегда.

Потом его перебросили в Нигерию в начале XX века, и он за несколько лет проделал ту же операцию с территориями Северной Нигерии, так называемым халифатом Сокото, такой был мощный мусульманский государственный центр. Опять-таки, навязав султану Мухаммаду Аттахуру II, главе халифата, договор о протекторате. Тогда, когда в этом был заинтересован сам султан, поскольку в то время там развивалось движение Махди. Есть несколько такое эсхатологическое мусульманское движение, ожидание прихода второго пророка, скрытого пророка Али. И правители эмиратов, которые входили в состав халифата, в общем-то, были в шатком положении.

Фредерик Лугард это учел и помогал этим людям. Конечно же, чем помогают англичане? Помните фразу из Ильфа и Петрова? «Англичане любят продавать оружие». Они, на самом деле, подарили несколько пулеметов эмирам, и те справились со своими проблемами, но незаметно оказались как бы подопечными Великобритании. В этом были заинтересованы. Это так называемый феномен

компрадорства. В любом обществе есть люди, которые материально или по другим причинам заинтересованы в появлении хозяина.

И этот опыт позволил Фредерику Лугарду убежденно говорить, что это лучший вариант. Он не требует больших финансовых затрат, не требует создания аппарата. Он требует только грамотной политики в отношении существующих уже институтов власти и так далее, судопроизводства и прочего.

Да, и в любой парламентской стране, а в Британии в особенности, любое движение нуждается в такой массивной идеологической подготовке. И колониальные чиновники решили в этом плане использовать антропологов, которые, конечно же, среди этих народов колониальных живут и могут помочь разобраться, как тонко относиться, как правильно обходиться с традиционными институтами власти. Вы знаете, антропологи идею косвенного управления в абсолютном своем большинстве приняли как идею либерально-демократическую. Действительно, внешне это выглядело очень привлекательно. Англичане просто входят в контрактные отношения по Жан-Жаку Руссо, социальный контракт. Старший брат помогает младшему. И, на самом деле, искренне в это верили, потому что африканцы, скажем, если мы Африку возьмем, они ни системы образования не имели, технология их была весьма отсталой, и тесная связь с мощной индустриальной страной, конечно же, на пользу этим людям! Они и образование свое поправят, и приучатся к более цивилизованным манерам, перестанут всякие нехорошие вещи делать, например, убивать людей, даже есть их иногда, такое бывает в разных странах, ритуально. Все это воспринималось так, как хорошая вещь, благородная, гуманная.

И антропологи писали статьи, и не только они, и чиновники убедили британскую общественность. Парламент официально принял курс на косвенное управление в конце 1920-х годов. И антропологи получили крупный куш – были созданы специальные колониальные фонды, были созданы специальные институты, которые разрабатывали стратегию изучения коренных народов и их культур ввиду задач косвенного управления. Косвенное управление стали вводить. И ввели почти везде. Но довольно быстро от него отказались. Ввели-то его в начале 1930-х годов повсеместно, почти повсеместно, а в 1948 году официально отказались. Таким образом, эта «эра косвенного управления» длилась менее 20 лет, лет семнадцать, а то и шестнадцать.

Теперь разберемся, потому что это очень примечательный пример, он, на мой взгляд, имеет такие черты, которые нам позволят разобраться и в собственных делах. Как это все происходило? Рассмотрим сначала прагматическую сторону, каким образом британские антропологи оказались полезными? Как их деятельность способствовала выполнению таких административных, политических поручений? Как большинство колониальных чиновников отнеслось к антропологам?

Абсолютное большинство практических колониальных чиновников, именно из-за политики, отнеслись к антропологам плохо. Почему? По многим причинам. Во-первых, хорошо работающий колониальный чиновник, работающий более или менее долго, гораздо лучше знает культуру социальных

структур подведомственного народа, чем какая-нибудь девочка-аспирантка из Кембриджского университета, уверяю вас. Во-вторых, сам дух колониализма требовал, чтобы была дистанция между господами и между зависимыми. «Бремя белого человека», почитайте Редьярда Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут».

Или я вам другой пример приведу. Вы писателя Оруэлла знаете, да? Он хорошо известен в нашем обществе и много раз издавался. Его «Скотный двор» знаете вы, да? У Оруэлла это антиутопия.

Это пример в высшей степени показательный. Он в 30-е годы, в период введения косвенного управления работал, знаете, кем? Чиновником колониальной полиции в Юго-Восточной Азии. И при этом он был коммунистом, он был членом Коммунистической партии Великобритании.

Но при этом он был британским чиновником. Об этом говорит известный случай, описанный самим Оруэллом – случай с бешеным слоном. Однажды он был позван жителями деревни, где был его пост, его офис, чтобы ликвидировать ситуацию с бешеным слоном. Слон взбесился и стал топтать посевы риса – это было, по-моему, в Бирме – и вообще угрожал людям и домашним животным.

И Оруэлл почувствовал, что он как белый человек должен немедленно решить эту ситуацию, иначе его положение господина будет подвергнуто сомнению. А он был юношей, и хоть он и не был трусом, конечно, но что такое бешеный слон – вы можете себе представить.

И вот этот самый долг белого человека заставил его взять винтовку и выйти один на один с бешеным слоном. Он чувствовал, что если он не сделает это, то будет плохо, это будет уроном. Он худо-бедно справился с этой ситуацией, хоть потом писал об этом с иронией, с юмором. Но есть и другие ситуации. Оставим пока Оруэлла.

Африканская ситуация разворачивалась следующим образом. Чиновникам не нравилось, что появляются юноши, девушки с рекомендательными письмами от министра колонии, с всякими другими бумагами, и начинают ползать по вверенной территории.

Почему не нравилось? Во-первых, это урон достоинства белого, потому что методика Малиновского, о которой я вам уже говорил, и Рэдклифф-Брауна предписывала жить привычками и чаяниями народа, участвовать во всех его мероприятиях, делать все то, что делают люди, которых вы изучаете. Для британских чиновников колониальных это было ужасно – это один аспект.

Следующий аспект не менее важный. Дело в том, что появление в любой культуре инокультурного элемента всегда вызывает определенные пертурбации, какие-то флуктуации и непонятные процессы. Это было хорошо описано в ряде романов. Есть такой жанр в британской литературе – «колониальный роман». И антропологи там – довольно часто встречающиеся персонажи.

Есть один такой роман, где описываются похождения очаровательной аспирантки Департамента антропологии Кембриджа, которая в Западной Африке, где-то в Габоне, должна была проводить свое полевое исследование. Вы знаете, что антропологи не могут без этого получить статус антрополога.

Она, конечно же, очаровала тамошнего колониального резидента, комиссара, тоже молодого джентльмена. И он перенес много страданий из-за своей довольно взбалмошной, как и положено антропологам, довольно эксцентричной знакомой. В те времена не было понятия «girlfriend», а было понятие «невеста» и «знакомая». Так вот невестой она вроде как не была... В общем, знакомая.

Она перемещалась по африканским деревням, задавала массу вопросов, как и положено для антрополога. И тем самым породила много всяких слухов и непонятных событий. Ведь существует определенный такой культурный барьер, переходя который, слова и вещи порой до неузнаваемости меняют смысл.

Я вам могу из своей практики привести пример, чтобы вы поняли, о чем я говорю. Я работал в Баргузинской долине (Курумканский район) на территории Бурятской Республики. Там живут тунгусы (эвенки). Там мало их осталось: несколько сот человек на всю долину. Я беседовал с одним интеллигентным человеком. Он был учитель, сам был эвенк, он так и записан был в паспорте. И мы с ним довольно долго беседовали.

И вот узнал, что он на меня смертельно обиделся и вообще очень плохо обо мне думает. Я знаю характер тунгусов, они очень прямые люди. С ними никакие такие косвенные выяснения отношений не проходят, нужно прямо говорить. Или подраться, или помириться сразу. И вот я к нему прихожу и говорю: «Так мол и так, что это такое? Твоя двоюродная сестра мне сказала, что ты не эвенк. В чем дело?» Он мялся-мялся, а потом мне сказал: «Ты спрашивал, сколько нас? И мне показалось, что ты как бы пренебрежительно спрашиваешь. Более того, я из твоих вопросов понял, что есть такая возможность вообще нас не считать эвенками», – а это для них болезненный был вопрос.

Многие из них не знают эвенкийского языка, а знают бурятский. И у многих среди предков много бурятов. Поэтому там, в принципе, все имеют в жилах эвенкийскую кровь и все имеют бурятскую. Но некоторые записываются в эвенки, а некоторые – в буряты. И для тех, кто записан в эвенки, хотя его брат и в бурятах записан – это вопрос какой-то такой болезненный. И я, спрашивая его о его родословной – ну о чем еще этнографы спрашивают – о его генеалогии, я нарвался на этот больной вопрос. Я отметил, к сожалению, странное: брат – бурят, а он – эвенк. И так косвенно спросил: «А как, родители у вас общие или нет?» Так нет, папа один и тот же, мама одна и та же. Я это выяснил и все, а он обиделся, понимаете?

И такие обиды происходят подсознательно, а сознание уже потом дополняет их рациональными объяснениями. И он принял меня за представителя бурятской администрации, которая, в общем-то, не активно, но, так или иначе, косвенно склонна воспринимать таких людей как бурятов. Бывает у небольших народов такая тенденция – увеличивать свою численность за счет простых милицейско-паспортных акций. В Средней Азии людей записывали иногда, не спрашивая, кто они такие. Ну, понятно, о чем идет речь.

Так вот в Африке эта милая дама, задавая свои вопросы, породила какое-то мощное движение – движение типа повстанческого. Причем она сама этого даже не заметила. Она поговорит в деревне, поживет недельку – и в другую деревню. А за ней... вот как есть такие мины: по ним бежишь, а они сзади взрываются, если очень быстро бежишь. Она в таком быстром темпе объехала большой район, а за ней происходили социальные катаклизмы, взрывы.

Молодой красивый колониальный чиновник был вынужден ликвидировать эти последствия. Но при этом он стремился сделать так, чтобы они ее не зацепили. Он был джентльмен. В итоге он погиб, большое количество людей погибло. А эта дама была англичанкой, и она об этом узнала только у трапа самолета, который должен был ее везти в Лондон. Ей сообщили о смерти ее товарища и о том, что произошло.

Это, конечно, центрировано, это гипербола, ясное дело. Таких вещей буквально, может, и не было, хотя нечто похожее и бывало. Так что колониальные чиновники к этим прикладным студиям или научным студиям относились с иронией и свысока в отличие от политиков, которые использовали антропологов как апелляцию к науке. Вообще, в западноевропейском обществе санкция науки – это вещь очень важная, как в Средневековье санкция, не знаю, епископа или Папы Римского. Раз вещь научная – значит она достойна уважения и жизни. Поэтому в парламентской системе антропологи сработали как своеобразные идеологи косвенного управления. Что они сделали? Вы знаете, кое-что сделали, но совсем не то, что собирались.

Почему? Да потому, что само по себе косвенное управление – это такой паллиатив, это стремление сохранить статус-кво. Изучить те институты, которые есть и пускай они работают. Работают, обеспечивая социальный порядок, социальное и культурное воспроизводство населения.

А британская служба осуществляет функции более высокого уровня: сбор налогов, их перераспределение, установление функций агентов, которые воспринимаются населением как традиционные вожди. Через этих вождей она может проводить любую политику, вовлекать определенное количество людей в какие-то военные операции. В ходе Второй мировой войны это использовалось сплошь и рядом. На строительство каких-то объектов – первобытный коллективизм. Ведь известно, что если вождь сказал: Надо! – значит надо. И идут работают бесплатно – общинный труд такой вот.

Все это хорошо. Но дело в том, что одной рукой стремясь делать это и делая это, британская администрация другой рукой это же разрушала. Каким образом? Зачем, вообще, колонии нужны были Англии? Налогов с них собрать – много не соберешь, да и во многих колониях и денег-то нет. А натурой брать в середине XX века – это как-то совершенно невыгодно.

Но одно дело – колонии, где есть алмазы, золото или нефть. Тут все ясно, тут можно аборигенов вообще прогнать. Пригласить китайцев – кули – они все это гораздо лучше сделают. Устроят шахты. В первой половине XX века это было широко распространенное явление.

А вот там, где не было ничего этого, колонии вроде бы как даже и не нужны. Но они все-таки были нужны. Почему? Потому что динамика развития рыночных отношений требовала постоянного расширения рынка сбыта. Британский товар нужно куда-то сбывать, правда ведь? И формирование рынка сырья, откуда сырье брать. Вот колонии, собственно говоря, для этого и предназначались, почему они так интенсивно захватывались в конце XIX века – в начале XX.

Но многие колониальные зоны этому не соответствовали. Почему? Денег нет, нет частной собственности, и нет потребностей. Значит, потребности нужно создать. И колониальная администрация предпринимала специальные такие акции с помощью фирм, конечно же, по формированию спроса. И действительно, в африканские селения стали поступать товары по демпинговым ценам, причем в обмен на какие-то натуральные вещи. Вы не удивляйтесь, пожалуйста, почему морковка или картошка из Подмосковья стоит дороже, чем привезенная из Америки. Это называется «демпинговая фаза». Это хорошо известная линия – это формирование спроса и, соответственно, устранение конкурентов.

И в африканских системах, конечно, было не так, чуть-чуть по-другому, но похоже. Спрос возник быстро и стал уже устойчивой нормой, для того, чтобы получать товары, скажем, изделия из металла, из стали, ткани, белковые продукты питания. А в Африке хроническое недоедание белков, так называемое белковое голодание, потому что африканские народы жили в основном за счет поедания крахмала. Например, кассава, батат и прочие вещи – они содержат мало белка. Мясо, привозимое, скажем, из Аргентины или из Бразилии, где были целые мясные империи, оно охотно потреблялось. Но для его приобретения нужны были деньги, нужен был рынок. Где его взять?

И вот тут – другая сторона вопроса: нужно было создать такие производства, которые были бы соизмеримы с рынком. И в Африке стали возникать монокультурные системы. В одной стране, скажем, Уганде, сажали только какао, потому что стимулировали его посадку. Его там не было раньше. В другой стране, скажем, Танзании – кофе. Его тоже никто не выращивал.

А теперь это монокультурные страны. Страны абсолютно зависимые от метрополии, как бы она себя сейчас не называла. Сейчас же нет колоний, правда ведь? А есть железная экономическая зависимость от партнера по неравноправным отношениям. Я не знаю, может, вы по-другому к этому относитесь, но тут, мне кажется, это совершенно очевидно и просчитывается в любых денежных единицах.

Делая все это, британские власти подрывали основы традиционных отношений. Вот вопрос о земле. Для того чтобы учредить кофейные плантации, нужна частная собственность, потому что кофе – это многолетняя культура. И для того чтобы развести как минимум плантацию, требуются большие капиталовложения и особое отношение к ней. Только частная собственность может позволить существование этого феномена.

В большинстве африканских стран и у большинства африканских народов частной собственности на землю не было. Верховным, сакральным собственником всей земли был, как правило, вождь или король – правитель определенного ранга. Он ее передоверял своим чадам, подданным. Они на ней работали. Причем земля постоянно подвергалась ротации. Гумусовый слой в Африке очень тонкий, и там подсечное земледелие. Там максимум 4 года можно зажать какие-то культуры, а потом нужно менять поле. И его регулярно меняют, поэтому сложились традиции отношения к земле как к божьему явлению. Оно не может быть в собственности, его постоянно меняют. Вождь осуществлял регулирование этого процесса чисто социально и без всякого элемента экономики.

Нужно было эту создать частную собственность, и очень просто создавали. И антропологи помогали формулировать. В частности, был такой Уилсон, который работал в Танганьике (тогда так называлась континентальная часть Танзании). Он внес такое толковое предложение – ввести культуру кофе, и называть ее не кофе, а коричневым бананом. Вам это, может, покажется странным, но дело в том, что бананы известны в африканской агрокультуре. И банан – это хоть и трава, но многолетняя трава. И поэтому какая-то деревня или хутор, меняя свою территорию, оставляет банановые насаждения и не теряет прав на них. И тот, кто потом придет на эту землю, знает это. Он может пользоваться частью урожая, но часть принадлежит хозяину, который куда-то ушел. Это не бог вещь что, это не играет серьезной роли. Но главное, что в культуре есть установка, есть некий институт. И если перенести этот обычай на кофе, то тогда появится если не частная собственность, то, по крайней мере, нечто ее заменяющее и напоминающее. И это каким-то образом срабатывало.

Но к чему это вело? Это вело к тому, что вождь, стимулируя развитие частной собственности, терял свои главные функции и прерогативы. Он терял связь с землей – это первое. Второе – частная собственность порождала появление новых элементов, капиталистических, предпринимательских элементов, которые не могли уже придерживаться правовых и прочих обычаев. Это была молодая буржуазия, которая очень быстро сформировала свою интеллигенцию, потому что интеллигенция трайбалистская – та, которая была связана с вождями, это один отряд интеллигенции. Они были очень жестко связаны с метрополией, потому что вождь зависел от колониальной администрации.

А новая интеллигенция была независима, потому что предприниматель – свободен. Он на свой страх и риск получает средства и волен делать то, что хочет, никого не обязан слушаться. И Англия была в этом заинтересована. Это как раз то, о чем я сказал: правая рука разрушала то, что делала левая. Косвенное управление, только начавшись, очень быстро стало хиреть. И сохранялось лишь только при помощи специальных волевых усилий по поддержке этих самых вождей.

Вот почему после того, как колонии получили независимость – эта такая компрадорская часть населения – сохранив очень тесные контакты с метрополией, всегда выступала таким своеобразным

противовесом молодым нациям. А антропологи в этом процессе оказались в роли вещи, которую использовали.

Причем использовали не так, как собирались даже. Сама идея оказалась не то что порочной, но она несла в себе зерно собственного разрушения – это первое. Второе – новая интеллигенция, буржуазная интеллигенция очень быстро поняла, в чем заключается этот трюк с косвенным управлением. Это особая форма сдерживания, это обратный макиавеллизм, это средство загребать каштаны чужими руками – так это все трактовалось молодой национальной (я подчеркиваю, это очень важный термин в данном случае) интеллигенцией.

И они бросили обвинение в лицо антропологам. Очень часто эти обвинения раздавались в университетских аудиториях, потому что многие африканцы учились в британских университетах, и многие из них учились на отделениях антропологии. Это был кризис. Это было своеобразным похмельем. Многие болезненно к этому отнеслись. Многие пытались оправдывать себя. Раймонд Фёрс, человек старшего поколения, с негодованием относился к подобным обвинениям и говорил, что «я ничего, кроме добра, никому не делал никогда, ни в чем не виноват». Но кто был помоложе, тот сумел понять и оппонентов и все равно понял, что что-то не так.

Проблема опять-таки возникла. И особенно возникла после такого опыта, а вовсе не в кабинетах. Она возникает и в нашей стране. Я параллель с тем, что происходит сейчас, провожу. За последние 10 лет таких кардинальных изменений в нашей стране я много чего насмотрелся в нашем цехе. У нас был мощный отряд так называемой национальной интеллигенции, в том числе этнографической. В каждом национальном субъекте Советского Союза был такой «НИИ ВСЕГО», при котором обязательно было отделение этнографии. Это люди, которые писали о дружбе народов, естественно, собирали материалы об интерьере жилищ, о пище, одежде и так далее и так далее. Делали хорошие дела.

Но что с ними произошло после 1985 года! Оказывается, они только и мечтали о том, чтобы бросить обвинение в лицо этих самых шовинистов. В мое лицо или другого человека. Теперь они сами со смехом об этом вспоминают, конечно же, потому что это был такой временный период. Но это встряска. Встряска, которая привела к тому, что в нашем цехе вот сейчас на конференциях, когда заводишь речь о научной этике, уже не делают круглых глаз и уже не удивляются – «а что это такое?» Уже понимают. Вот когда сам пешком пройдешь какое-то расстояние, то ты понимаешь, что это такое. Вот на этом я бы закончил свою лекцию.